

ЛЕЙЛА МИРЗОЕВА

Эффект декомпрессии

Повесть

Челюсти океана

Неспокойный, непредсказуемый океан снова в его власти... Или это иллюзия... Он катит в кольце гигантской волны, сливается с синевой ее нутра, он не знает, что сейчас таят глубины бездны... Над ним нависает гигантское чудовище, дух перехватывает, когда он, словно дымкой, окутанный пеной взмывает и опускается, ощущая ногами лишь шаткую твердь серфа.

Серфинг всегда был его мечтой, и он уже несколько лет был прекрасным райдером-экстремалом. Тау-серфинг – покорение гигантских монстров Джоуз в команде, когда опытные гидроциклисты просчитывали каждую волну в сете и забрасывали серфера в нужную точку. В этой части океана, у берегов острова Мауи, когда речь шла о двадцати-тридцатиметровых волнах, так и приходилось работать. И нарушалось тогда его, такое любимое им тет-а-тет с океаном, когда не было никого между ними – лишь он и эта могучая, скрывающая в своих глубинах бога Посейдона и еще много чего неведомого могучая бездна. Он не представлял жизни без этой капризной водной глади, он чувствовал некую свою неразделимость с ней. Он не просто любил океан, а любил его безмерно. Дайвинг был для него больше, чем хобби, он погружался в черные воды как можно глубже, и однажды даже с ним чуть не случилась декомпрессионная болезнь. Он не учел, что океан, как и сама жизнь, никогда быстро не отпустит, невозможно, будучи на глубине, всплыть быстро и зажечь счастливо, как ни в чем не бывало. Тогда он понял, что за все надо платить. Понял, но как-то, вероятно, по-молодости, быстро забыл.

Управляя серфом и, как ему казалось, волной, он испытывал невероятное счастье. Возможно, только такие минуты и вдохновляли его на жизнь, он чувствовал, что не так уж одинок в компании с таким же одиноким, молчаливым, саркастичным в своей непредсказуемости океаном. Он и океан почти друзья... Или это иллюзия... Океан ему дарил такие спокойствие и радость, каких он уже давно не испытывал на этой серой, пропитанной слезами разочарования и горя суше, и он бы хотел, чтобы несущая его волна не сокращала расстояние между ним и этой засасывающей серостью, а наоборот, отдаляла от нее, порой хотел бы так и остаться в океане навсегда, чтоб на земле и могилы его не было, чтоб след его простыл... Он знал, что однажды океан его не вернет, заберет, как щепку, он так и исчезнет, канет в бездну, и на суше мало кто станет сожалеть о нем, тем паче и сожалеть о нем мало кому было... Но пока он катит в горизонтальной воронке гигантского монстра Джоуз, ему хорошо, он наедине с другом своим, океаном, чувствует его дыхание, а на земле есть еще дела. Хочет он того или нет.

Приближающийся берег к его услугам. А с ним – все то, что пробуждает безудержный поток желаний на этой предсказуемой земле непобедимых соблазнов, что ведут к порокам и смертным грехам.

Марианская впадина. Смертный грех

Микаэлю уже двадцать восемь. Когда он смотрит на себя в зеркало, то испытывает удовольствие. Природа воистину не обделила его притягательной внешностью и обаянием, и Мика, как его звали многочисленные поклонницы, привык этим пользоваться.

У него было все – работа, деньги, женщины. О женитьбе и думать не хотел: когда жизнь – словно леденец с солнышком внутри, жена и дети представляются обузой. Микаэль шел по жизни, вернее сказать, скользил по ней или, что еще вернее, несся на гигантской волне, словно серфер в океане.

Хотя... так было далеко не всегда...

Будучи опытным райдером, Микаэль понимал, что серфинг – опасное увлечение, что доски иногда перестают быть опорой, а стихия вдруг вырывается из-под воображаемого контроля над ней, или, еще того хуже, бдительная акула появляется на твоём пути, и это в большинстве случаев последнее, что успеваешь уразуметь.

Микаэль уже три года являлся заместителем директора коллегиального органа управления благотворительного фонда «...». Основателем фонда был близкий когда-то друг его ныне покойного отца Альберт Домбровский. Микаэль, что называется, вырос у него на руках и не удивился, когда тот, основав крупную организацию, в качестве доверенного лица выбрал именно его.

Микаэль быстро освоил свою работу – контролировал вливания в организацию пожертвований от физических лиц, получение субсидий и дотаций из местного и государственного бюджетов, вкладывание в ценные бумаги полученных средств или превращение их в банковские депозиты. В его обязанности также входило получение целевого финансирования или грантов от других благотворительных фондов, осуществление контроля над ведением не запрещенной представителям фонда коммерческой деятельности. Альберт предоставил Микаэлю право подписи договорных документов, а вместе с этим правом взвалил на него и всю ответственность. Самого же Альберта часто не было в городе, таким образом руководителем крупной организации де-факто являлся Микаэль.

Мать Микаэля умерла, когда ему было двенадцать лет. Дальше жили вдвоем с отцом. Когда Микаэлю исполнилось шестнадцать, этот харизматичный человек, глава прибыльной компании, наконец, решился жениться на женщине с сыном, почти ровесником Микаэля. Само собой, она души не чаяла в своем Эдуарде, а нетребовательный, незлой, во многом покладистый Микаэль ее только раздражал. Микаэль стал мало бывать дома, пока не уехал. Через некоторое время получил известие о смерти отца – разбился в аварии. Вскоре Альберт Домбровский, второе лицо в компании, объявил о ее банкротстве.

Так Микаэль остался один и ни с чем, едва удержался «на плаву», чтобы не скатиться в пропасть юношеских пороков, и непрестанно был обуреваем подозрениями о причинах нелепой смерти отца.

Сейчас же Микаэль был известен, богат и важен, он руководил уважаемой организацией, к нему обращались представители видных фирм. Через его руки проходили денежные пожертвования людей абсолютно разных категорий, не исключая богатеев сомнительной репутации, желающих успокоить свою очень даже беспокойную совесть.

А теперь о сути. Микаэль прекрасно понимал, почему денежными активами распоряжается Домбровский, а документальная ответственность лежит именно на нем. Он пошел на этот риск, на эту реальную собственную подставу потому, что это было условием его работы в фонде. Других условий не было, как и не было других перспектив. Так он и поддался соблазну Лукавого, медленно, но верно «опускаясь» на самое дно Марианской впадины – глубочайшей точки Мирового океана. Это был его осознанный выбор.

* * *

О Домбровском у него сохранились радужные воспоминания, тот был вхож к ним в дом и часто играл с маленьким Микой. Сейчас Микаэль был очень благодарен ему за то, что тот помог ему выбраться из череды неудач, когда, куда не тыкайся в этом мире, пусть даже с потенциалом, нет ни ходу, ни места, а везде требуется протекция... И так было всегда, он читал, что еще в Древнем Риме был такой же насквозь прогнивший социально-иерархический уклад. А может, с тех пор, как мир стоял. И кто это сказал, что талантам проще пробиться... Скорее, наоборот... Кому нужен опасный конкурент? Его когда-то достаточно влиятельный отец здорово бы ему помог...

Остап Бендер отдыхает...

После проведения по инкассации денежных средств сумма финансов в боксах определялась, как и полагается, в присутствии комиссии. Микаэль знал, что состав этой комиссии утверждался основателем фонда, то есть самим Домбровским. На интернет-портале фонда, в графе «Отчетность», указывались собранные суммы, некоторые другие подробности, однако более полная информация давалась не всегда – часто упускались такие важные детали, как сведения о пожертвовавших на лечение детей лицах, данные этих детей, цель пожертвований, наименования принявших денежные средства медицинских учреждений и т. д. То есть у читателя срабатывал так называемый «эффект скотомы», упускалась из виду специально скрытая информация о некоторых благотворителях и больных детях, на которых и формировался «левый» капитал фонда.

Упрощенно говоря, фонд работал по формуле: два доллара – на лечение больных детей, один – себе в карман. Частенько бывало и наоборот.

Был еще один весьма прибыльный маневр. После размещения роликов на телевидении и интернет-сайтах о помощи больным детям сбор денег продолжался и после оказания финансовой поддержки семье. А то и после смерти ребенка...

Или: с миру по нитке родители собирают деньги на дорогостоящее лечение своего ребенка. В графе «Отчетность» публикуется выданная фондом на лечение больного малыша сумма. Но документ этот в действительности липовый, на самом деле это чек, полученный родителями ребенка за оплату очередного этапа лечения, средства на который были собраны добрыми людьми, не имеющими к фонду никакого отношения.

Безусловно, что многим детям помощь фонд оказывал – это было и необходимым условием его существования, и прикрытием. Но еще больше малышей оказывались за бортом доброй воли благотворителей, и они до поры до времени, пока хватало сил, должны были дожидаться своей очереди на дорогостоящее лечение в серых, мрачных клиниках.

Реклама фонда размещалась на коммерческой основе. Люди, сердобольно жертвовавшие деньги на богоугодное дело, и не подозревали, что половиной своих средств оплачивают не нужды больных детей, а рекламу на необходимость их лечения.

По закону налоги с фонда и зарплата его сотрудников в целом должны были составлять не более 20% от прибыли. В документах фонда значилась соответствующая цифра. Но сколько оседало в карманах управителей фонда, оставалось известным только им.

Домбровский, прикрываясь благотворительностью, к тому же занимался запрещенной представителям данных организаций коммерческой деятельностью, вложенные благотворителями денежные активы уплывали бог весть куда... Члены наблюдательного совета, состав которого по нелепому закону определял основатель фонда (значит, Домбровский), закрывали на все глаза, члены исполнительного органа поступали точно так же, зато подписи на документах красовались его, Микаэля, как официального заместителя главы организации... Микаэль понимал, что совершает, наверное, самую большую ошибку в своей жизни. Он часто вспоминал особенно любимую им когда-то в детстве серию из «Тома и Джерри». Там в очередной раз «надутый» мышонком кот смотрит в зеркало, а в отражении видит осла... Осел ослом, но Микаэль считал себя к тому же еще и трусливым ослом. Он боялся повторения жизненных неудач, боялся бедности, что означало для него такое страшное одиночество... И решил когда-то однажды поутру, что нет ничего лучше в этом скользком мире, чем самому стать ловким аферистом. Лучше быть ловким Джерри, чем ослом Томом.

И возможно, когда-нибудь, когда однажды лишится он сна, потому что души загубленных детей станут ему уж больно докучать, он сам пожертвует средства в какой-нибудь, не такой как их, благотворительный фонд, чтобы быть уверенным, что деньги его дошли до адресата...

Уж он натерпелся от своего безрезультатного тыканья во все сферы возможного карьерного роста... от безвременного сиротства и уже сложившегося у него комплекса неудачника...

Он простил Альберта за то, что тот определил его прикрытием своих афер, но, конечно, уже не заблуждался относительно его добрых, бескорыстных намерений на свой счет. Микаэль усвоил в жизни очередной урок: не доверяй даже собственному отражению в зеркале... если не хочешь, чтобы в нем отражался осел.

* * *

«Деньги – не главное. Главное, чтобы они были». Такой девиз был у Микаэля. Он любил высмеивать прописные «духовные» ценности, цинично противопоставляя им прагматичные материальные схемы.

И только Элина ощущала здесь какую-то склизкую, тошнотворную фальшь... Но что скрывалось за этой фальшью, почему Микаэль хотел казаться таким?..

Микаэль не знал, как избавиться от своей очередной подружки. Элина оказалась то ли на редкость глупа, то ли виртуозно хитра.

Девушка навязалась лететь с ним в Прагу. В этом завораживающем городе должен был состояться благотворительный вечер.

Микаэль уже перестал церемониться с Элиной, до того она ему осточертела до чертиков (любимый каламбурчик Микаэля), грубил ей напрапоалу, а она все не хотела понять очевидного.

– Мика, как ты думаешь, мне изменить цвет волос? Может, стать блондинкой?

– Нет, зачем усугублять-то?

Вот так и хамил ей, а между тем Элина была красивая девушка с тонкими чертами лица и большими красивыми глазами, и Микаэль не замечал, что в последнее время они часто бывали красными от слез.

Пытаясь защитить свою любовь, Элина не показывала своей обиды, и чем больше нарывалась на грубость, тем больше пыталась быть нежной.

Вечера стояли прекрасные, в Праге не может быть иначе, пестрый шумный город, где слились в экзотическом симбиозе готика и модерн, был полон отдыхающих, на площадях их развлекали артисты и фокусники.

Микаэль с Элиной в Праге уже несколько дней, а из отеля выходили только раз – посидели в ресторанчике напротив исторического дома Кеплера под методичные, имитирующие колорит средневекового города, звуки труб, прошлись до причудливого памятника Кафке, на который Мика, не обращая внимания на тщетно пытающуюся его разговорить спутницу, глазел битый час. И все. В последующие, оставшиеся до благотворительного вечера дни Микаэль по большей части отсиживался, вернее, отлеживался в номере отеля – его давно уже не интересовали ни Прага, ни Элина. Обычно он отмахивался от назойливо-слащавой нежности девушки (а раньше так ему не казалось) какой-нибудь соответственно пошлой шуточкой.

– Мик, зайчик мой, просыпайся, дорогой... Выйдем, а... Микуль, уже вечер, про-снись, котенок, солнышко мое... Выйдем на чуть-чуть...

И сонный в ответ голос «Микули»:

– Я сегодня рыбка, у меня нет ножек, так что я никуда не иду.

Накануне благотворительного вечера Элине все же удалось вытащить Микаэля в город. Прошлись по шумной, длинной Вацлавской площади, затем вышли на Староместскую площадь. Пересекли ее медленно, было много народу, затем, пройдя по старым улочкам, зашли в тихий, уютный ресторанчик. Микаэль перебрал с абсентом, а в такие моменты он бывал особенно чудным. Какой-то заблудившийся турист, тоже подвыпивший, обратился к нему с вопросом:

– Друг, если я пойду в эту сторону, там будет отель City Inn?

– Друг, он там будет, даже если ты пойдешь в другую сторону!

Элина дернула Микаэля за рукав и, смущенно улыбаясь, уточнила:

– Да-да, именно так, идите в эту сторону, через Староместскую, затем Вацлавскую площади.

Пока она говорила это туристу, Микаэль уже умудрился близко познакомиться со столбом, настолько близко, что Элине пришлось затем прикладывать к его лбу холодную бутылку. Обоим было смешно. Пока Микаэль вдруг не осекся и снова, как всегда, не замкнулся глубоко в себе.

Элина безрезультатно пыталась понять, что так угнетает ее бойфренда.

* * *

– Просыпайся, сынок, пора в школу!

Вставать не хочется, учителей видеть не хочется, да и контрольную писать не хочется...

– Вставай, малыш, пора! – будила мама.

– Мам, еще чуть-чуть, ну пять минуточек... – щурясь от беспардонно ворвавшегося к нему в комнату солнца, просил мальчик. – И почему ты меня малышом все время называешь? Мне уже одиннадцать!

Мама присела на его постель.

– У тебя душа малыша... – улыбаясь, она потрепала его, словно иголки ежика, волосы, – ты всегда будешь смотреть на мир добрыми, радужными глазами... даже когда станешь большим и очень уважаемым человеком.

– Я буду хорошим? – улыбнулся ей в ответ «малыш» своей резкой, образующей продолговатые ямочки на щеках, улыбкой, но какой-то особенной, той самой, которую он дарил только своей маме...

...– Что? – послышался какой-то чужой голос. Немного привыкнув к спящему солнцу, он, наконец, смог разглядеть силуэт. Это была не мама.

– Проснулся? Как-то интересно ты сейчас улыбался... так сладко... необычно... Мик, если бы ты знал, как ты меня вчера напугал!

Некоторое время Микаэль смотрел на женщину, силясь отличить явь от грез, и когда это ему, наконец, удалось, впал в отчаяние... очередное отчаяние, потому что мама приходила к нему во сне не в первый раз. Горечь от осевших на самом дне души воспоминаний безоблачного детства и его трагического конца просто душила его, и никто не знал, что эта горечь не давала ему в полной мере разобраться в своем настоящем и попытаться запрограммировать то самое «хорошее» будущее, в которое так верила его мама.

Тупая боль в голове застилала разум, но женщина помогла ему:

– Мик, сейчас придет врач, он еще раз осмотрит тебя... Кто ж знал, что благотворительный вечер закончится именно так...

Микаэль вспомнил вчерашний день.

Рак – не приговор!

На официальном, организованном фондом благотворительном вечере, где присутствовали представители крупных компаний, звезды шоу-бизнеса, простые зажиточные граждане, гости и репортеры, один из членов коллегиального органа управления Тимур Риконович рассказывал об успехах фонда и о чуде спасенных больных онкологией детей. За последний год девять детей – шестеро с опухолью головного мозга и трое больных лейкемией были удачно прооперированы в израильских клиниках, все они в данный момент проходили реабилитацию. Свою речь Риконович сопровождал демонстрацией фотографий детей – до их лечения и после.

Неожиданно к Риконовичу в буквальном смысле «подлетела» журналистка и, выхватив у него микрофон, стала поливать фонд грязью. Она обвиняла Домбровского, который, как всегда, отсутствовал, Микаэля, а также других членов правления фондом в присвоении львиной доли пожертвованных средств, в фейке документов и прочих махинациях.

Девушка проявила необычайную осведомленность относительно истинной статистики финансовых вливаний в фонд и его действительных затратах за минувший год. Сомнений не оставалось – ею, а может быть, и ее сообщниками, было проведено журналистское расследование данного дела.

– Куда девается внушительная доля пожертвований добропорядочных граждан? Оседают в карманах учредителей этого фонда! – кричала в микрофон журналистка. – За весь 2016 год благотворительных пожертвований было собрано на 1 миллион 10 тысяч долларов. 600 тысяч были направлены на оказание помощи девятерым детям. Где же остальная часть пожертвований? Осела на «нуждах фонда»? Вы и не знаете, насколько документальные отчеты фонда не соответствуют истине! А ролики в интернете и на телевидении! Ведь сбор средств продолжается и после оказания помощи ребенку. И в случае смерти ребенка сбор средств все равно продолжается. А сколько детей ждут своего лечения в очередях! И часто не дожидаются! А деньги в фонде просто исчезают! В результате невылеченных детей гораздо больше, чем вылеченных, потому что деньги, повторяю, вот уж сколько времени благополучно оседают в карманах руководителей фонда – воров и убийц!

Что тут началось! Благотворители, гости, репортеры всколыхнулись, словно, как на миг показалось Микаэлю, океан во время бури, и он был один в эпицентре шторма, растерянный, уличенный в преступлении против человечества.

Перед глазами Микаэля все поплыло, он уже мало что соображал, когда перед ним появилась Элина. Она сжала его руку, а из ее глаз текли слезы.

– Скажи же что-нибудь! Не молчи! Защити себя!

А он все молчал.

– Ну же, Микаэль! Ты не один, я с тобой, слышишь! Говори!

Микаэль вышел из парализовавшего его ступора, выхватил у журналистки микрофон и, глядя на нее с ненавистью, сказал первое, что пришло ему в голову:

– Льву наплевать на то, что думает о нем овца! – затем стал обвинять ее в мошенничестве и подтасовке фактов, а также в желании таким образом себя пропиарить с целью продвижения по карьерной лестнице.

Выхватывая у журналистки микрофон, Микаэль нечаянно задел им ее лицо. Сквозь толпу уже пробирался «защитник» журналистки – ее напарник. Подскочив к Микаэлю, он сшиб его с ног со словами:

– Ты еще женщин бьешь!

И действительно, из носа журналистки уже текла кровь.

Микаэль ударился головой о ножку рояля и в первый раз в жизни понял, что выражение «искры из глаз посыпались» – не пустое выражение.

Тем временем журналистка, придерживая нос, завладела микрофоном и отпарировала Микаэлю:

– Дефицит львов – не повод ценить шакалов! Вы – шакалы. Вы гробите невиновных детей!

Вскочив и не обращая внимания на направленные на него камеры и вспышки фотоаппаратов, Микаэль нокаутировал напавшего на него журналиста и, уже не владея собой, как кошку взял за шиворот ретивую журналистку и спустил ее со сцены. Тем временем от удара пришел в себя ее коллега и снова бросился на Микаэля. Последнее, что смог уразуметь Микаэль – это то, что других членов правления фондом в зале уже не было.

...Этот холод, каким каждый раз обдавала его мачеха, снова его пронизывал. Микаэль молчал, но во всем его существе ей чудился немой укор в смерти его отца. Мать и сын, Лора и Эдуард, на похоронах стояли рядом, в них Микаэль не чувствовал ни тени скорби по мужу и отчиму, они словно смотрели на это трагическое событие как на очередную, обыденную веху в их жизни. Так, по крайней мере, казалось

оставшемуся круглым сиротой Микаэлю, он ощущал себя чужим в родном доме, который теперь к тому же уже и не был его собственным. Шикарный двухэтажный особняк отходил вдове его отца, а судиться с ней за долю в нем Микаэль не собирался.

Наконец Лора попыталась прервать эту муторную борьбу взаимной неприязни. Чувствуя себе старшей и обязанной сказать в данной ситуации хоть что-то благодарное пасынку, она к нему подошла.

– Микаэль, это также твой дом, ты можешь бывать здесь, жить здесь, когда и сколько захочешь...

– Спасибо, – в тоне Микаэля чувствовалась ирония.

– Микаэль, послушай... Мы не очень-то ладили...

– Лора, давай без этого. Я уезжаю. Надеюсь больше тебя не увидать.

Вечером в отцовском доме его уже не было.

...Микаэль очнулся после этого очередного сна-воспоминания. Он уже два дня был в больнице, куда его, потерявшего после нападения журналистов сознание, привезла Элина. Головная боль не утихала, вероятно, еще и потому, что по телевизору постоянно крутили репортаж о произошедшем на благотворительном вечере скандале, журналисты упивались своей победой и смаковали подробности.

Фонд «...», как и следовало ожидать, оказался в центре внимания правоохранительных органов, а лично он сам, де-юре стоявший во главе фонда, без какой-либо презумпции невинности оказался также и в немилости у общественности.

Микаэль привстал, пить страшно хотелось. Элина, постоянно сидевшая возле него, подала ему стакан воды. Голова разболелась еще больше, пережитый стресс давал о себе знать и в дрожании рук – нервная система была расшатана до предела.

– Ну как ты? – раздался над ухом хорошо знакомый голос.

– Нормально... А ты все здесь?

Элина как-то необычно смотрела на него. Микаэль понял, как. В ее взгляде не было привычной, так опостылевшей ему, нежности.

– Микаэль, ты можешь мне ответить на один вопрос?

Без этого вопроса вообще не могло бы быть какой-либо закономерности в жизни.

– Это правда, – не дожидаясь озвучки мучительного вопроса, не глядя Элине в глаза, сказал он.

Элина закрыла лицо руками.

– Как ты с этим жил?

Микаэль молчал. Ничего неожиданного в данной ситуации для него уже и быть не могло. Он видел, как сквозь пальцы Элины просачивались слезы.

Вдруг она резко встала и направилась к выходу. На пороге оглянулась и резко бросила:

– Как я могла так тебя придумать!

Микаэль закрыл глаза и услышал, как хлопнула дверь.

Сейчас Микаэль чувствовал себя как тогда, когда уехал из дома учиться – он совершенно один в чужой стране, никому не нужный. Затем – известие о смерти отца. Обидное осознание того, что если он сгинет без следа, то никто этого и не поймет, вновь овладело им. «Волк слабее льва и тигра, но в цирке он не выступает», – подбодрил сам себя Микаэль. Когда он бывал во власти очередной депрессивной «волны», эта поговорка немного помогала.

Сам виноват. Сознательно пошел на сделку с совестью, предпочел хорошую жизнь страху неудач – и вот она, расплата. Ведь он знал, что однажды так и будет. Он также знал, что и Домбровского в критический момент найти не сможет – он исчез, канул в небытие, засел где-то на островах, обналчивает кровавые денежки.

А теперь Элина, которая так давно претила ему своей навязчивой любовью и от которой он так мечтал отделаться, сама бросила его, презирала его и, может, даже ненавидела.

Сейчас фонд находился «под прожекторами», работа была приостановлена, документы подвергнуты сплошной ревизии. Микаэль бежать, как Домбровский, не собиравшись, он вернулся из Праги и ждал неопровержимых доказательств преступной деятельности фонда.

Само собой, благотворительные вклады были заморожены. Общественность была возмущена, благотворители требовали свои вклады обратно. Трясли абсолютно всех – от членов правления фондом до простых служащих. По телевидению, в интернете и в печати о фонде говорили в самом недоброжелательном и презрительном тоне, был организован ряд ток-шоу, куда были приглашены представители правления и рядовые служащие опозоренной организации. Как и следовало ожидать, работники фонда от участия в ток-шоу отказались, предоставив «поле боя» журналистам и активным представителям общественности.

Ничего предосудительного в процессе документальной ревизии обнаружено не было. Экономист с дипломом отличия, уже успевший стать профи своего дела, Микаэль был готов к любым форс-мажорным ситуациям. И, как далеко не глупый человек, был готов настолько, насколько не мог предположить и сам Домбровский.

Журналистка подала в суд на Микаэля за оскорбление ее личности в частности, и всей свободы печати в целом. Кроме достаточно внушительной денежной компенсации морального ущерба адвокат журналистки выдвигал и требование уголовной ответственности для «обидчика» за якобы нанесенные телесные повреждения.

Тогда настал черед Микаэля. Он выдвинул против журналистки ответное обвинение в оскорблении его лично и всего благотворительного фонда в целом, в попытке удовлетворения личных амбиций путем инсинуаций против порядочных людей и всей гуманитарной деятельности его организации. Весь вызванный журналистами ажиотажный процесс Микаэль называл «Нюрнбергским» и инспирированным конкурентными, действительно коррумпированными организациями. Какими именно, Микаэль в подробности не вдавался.

Микаэль пошел на это потому, что не видел другого выхода. Он вообще не любил связываться с женщинами, всегда соблюдал с ними психологическую дистанцию и был убежден и часто повторял, что на женщин не обижаются.

Но здесь была совершенно иная ситуация – не прими он вызов, в глазах придирчивой общественности это выглядело бы очередным доказательством коррумпированности фонда, тем более, что факт отсутствия его основателя, Альберта Домбровского, и так о многом говорил.

На Микаэле лежала тяжелейшая миссия – реабилитация репутации фонда, восстановление собственного авторитета, что возможно было только путем публичного реванша.

От Микаэля отвернулись друзья. Репутация фонда была подорвана, он потерял доверие благотворителей. Микаэль ощущал себя щепкой в океане, которая и потонуть-то не может из-за своей легковесности.

Вернувшийся, якобы, после продолжительной болезни Домбровский продолжал «болеть» на своей вилле. И ему было несладко – его трясли, проверяли источники доходов и происхождение недвижимого имущества. СМИ вовсю кричали о фейке документов руководителями фонда, о ловком заметании ими следов своей преступной деятельности. Адвокат советовал Микаэлю попытаться, насколько это было возможно, решить конфликт полюбовно. Микаэль сомневался в реальности такого плана, тем более, что было очевидно, что этот скандал способствовал немыслимому рейтингу популярности этой журналистки и всей ее команды, тогда как он с головокружительной скоростью приближался к сокрушительному фиаско.

Все же Микаэль решился выйти на личный с журналисткой контакт. С адвокатами и посредниками, где-нибудь в людном месте, если ей будет угодно.

Пробили номер ее мобильного через интернет. Микаэль сразу же позвонил ей. Ответили только на четвертом гудке.

– Да.

В трубке слышалось щебетание детского голоса.

– Подожди, детка. Да, алло. Кто это?

– Это Микаэль. Ну, тот, кого вы в избиении и бог еще знает в чем обвиняете. Нам необходимо встретиться. Хотите, с адвокатами, или возьмите с собой кого хотите...или в кафе, где много народу...

– Не переоценивайте-ка себя! – был резкий ответ. – Я вас не боюсь. Нам просто с вами не о чем разговаривать. Встретимся в суде.

Отбой.

Через несколько секунд задрожал его, всегда стоящий на вибрации, телефон. Это была Лора.

– Как ты там? – она была явно смущена.

– Чем вдруг обязан? – не в шутку неприятно удивился Микаэль.

– Ничем... И не стану кривить душой, что звоню из-за твоих неприятностей...

Микаэль молчал.

– Послушай, Микаэль, единственно, о чем я сожалею, что сразу как-то отодвинула тебя, провела резкую грань между тобой и своим сыном... Я правда сожалею.

– И?..

– Просто пойми меня, ты уже был такой большой... В этом возрасте уже нет надежды, что пасынок примет мачеху или, еще того больше, назовет ее мамой... Я хотела давно тебе сказать... я не знаю, что ты думаешь... насчет папы...я правда не знаю, как это могло произойти... Это просто несчастный случай... неужели ты думаешь, что я могла... ты меня винишь? Или моего Эда?! Думаешь, мы бы могли... из-за этого дома или каких-то денег?!

– Лора, мне правда сейчас не до этого, – сделал попытку закончить разговор Микаэль. Он много думал о смерти отца. Да, когда-то Лора и ее сынок были у него в списке подозреваемых. У него и у полиции. Но недолго. И полиция от них отстала, и он перестал их подозревать.

– Подожди... Я понимаю, что ты не очень любишь меня... И виню в этом только себя, правда... Я не знаю, как сказать... Я в проблеме.

– Сколько? – избавил ее от мучений Микаэль.

Сумма оказалась внушительной. Ее Эд был пойман с поличным на одном мошенническом предприятии в кампании, в которой работал, и пока было не поздно, надо было его отмазывать.

Микаэлю не за что было любить ни Эдуарда, ни его мать. Всего раз она о нем позаботилась, когда у него случился перитонит, отца дома не было – скорая, операция, реанимация, она в коридоре патронировала врачей, никого в обиду не оставила. Можно сказать, в каком-то смысле жизнь спасла: перитонит – дело не шуточное.

Вообще-то и Микаэль никогда не был с ней особенно белым и пушистым – он не обижал ее, не грубил, не скандалил, но изводил ее еще более мерзким способом, которым владел в совершенстве – игнорировал ее и этого избалованного маменькиного сынка Эда, жил своей жизнью и, насколько было возможно, не нарушая личного пространства своих домочадцев, делал все по своему разумению. В такой ситуации Лоре надо было отдать должное – ей хватило мудрости не донимать пашинку. Не позволяла она этого делать и своему сыну. Так и жили, пока жили под одной крышей.

Микаэль сейчас сам находился в серьезной проблеме и поддержки ему ждать было неоткуда. Но он нашел способ помочь вдове своего отца – перевел на ее счет нужную сумму. Теперь они в расчете.

Недвижимое имущество Домбровского оказалось наследством. Денежные активы так же имели законное происхождение. О том же вовремя позаботился и Микаэль. Дело можно было бы считать закрытым, если бы не это вынужденное сутяжничество с журналисткой, которое не давало утихнуть разгоревшемуся вокруг благотворительного фонда скандалу.

Адвокат Микаэля настоятельно советовал ему быть «поближе к народу», общаться с ожидающими финансовую помощь больными, попытаться сменить недоверие публики на их поддержку. Микаэль нашел в себе мужество посетить несколько онкологических клиник, чего никогда раньше не делал.

В сопровождении пяти сотрудников фонда и представителей администрации клиники Микаэль шел по ее коридорам. Они заглядывали в палаты, пытались говорить с больными детьми. Кто-то кивал им в ответ на их заботливые вопросы, кто-то молчал.

На сердце у Микаэля становилось все тяжелее. Дело даже было не только в том, что эти дети были беспомощны – кому помогали сиделки, кто находился в инвалидных колясках, а кто и вовсе был прикован к кроватям и к трубкам искусственного дыхания. Дело было в их глазах... В них и в помине не было детского задора, легкости и непринужденности, а лишь какой-то безысходный, непобедимый мрак, бесконечная грусть и затаенная обида – на яркий, красочный мир, на солнце, что светило не для них, а для счастливых других, непринужденных и здоровых, веселых и сильных... Дети равнодушно смотрели на делегацию взрослых, смотрели те, кто мог еще это делать. Микаэль видел слезы некоторых из них – они страдали от боли, не понимая, почему этот общий для всех мир был все же не для них...

Несмотря на все усиливающуюся головную боль, Микаэль продолжал обход, говорил с родными детей – были часы приема, отвечал на их вопросы, в частности – когда же, наконец, наступит очередь финансовой поддержки их ребенку, что все уж продали, что делать дальше, не знают, ведь их малыш ждать уже не может, ведь сколько уж умерло, так и не дождавшись... В глазах этих отчаявшихся и таких беззащитных в своем несчастье людей Микаэль читал немой укор – подорванное доверие к фонду чувствовалось в их вынужденно сдерживаемых, но плохо скрываемых эмоциях.

Микаэль сказал, что ему надо в туалет. Зашел, закрыл за собой дверь. Пытался сконцентрироваться и взять себя в руки. Так и стоял, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

Понимал ли он, что творил? Да, понимал. Но не видел их, умирающих детей. Легко творить, не видя, глубоко не думая и не представляя... Из транс его вывел стук в дверь. Узнал голос главврача клиники.

– С вами все в порядке?.. Вы живы там?!

Микаэль вышел и направился к лифту. Перед ним катили каталку. Под простыней ясно очерчивалось маленькое тельце, лицо было закрыто. Каталку остановили у лифта.

– Умер только что... – пояснил главврач. – Четвертая стадия. Обезболивающие уже не действовали. – Затем добавил с укором в голосе: – Так и не дождался помощи. А кто знает, может, вовремя отправили бы в Германию, и спасли бы... Теперь же прямая дорога в морг.

– Вы себя плохо чувствуете? – спросила одна из медсестер. – Может, перерыв сделаете, присядете, чайку попьете?

– Да, все, кто оттуда, – главврач жестом указал на дверь, – обласканные, так сказать, судьбой, теряют здесь равновесие, но это ненадолго. После выхода отсюда их здоровые тела, ласковый к ним мир берут свое, а мир в этих стенах начинает казаться страшным воспоминанием. Вы, молодой человек, слишком молоды, чтобы со всей полнотой осознать всю несправедливость жизни, вы придете в себя... И даже быстрее, чем вы думаете.

В этот момент дверь лифта наконец открылась и каталку вкатили в кабину. Простыня, которой был накрыт труп, застряв в проеме, съехала с лица. На Микаэля уставились два открытых глаза и, как показалось Микаэлю, в немом угоре все смотрели и смотрели на него, пока двери лифта не закрылись.

В кабинете у главврача говорили о делах. Микаэль испытывал чувство некоего штиля в душе, штиля перед штормом в океане, механически говорил, механически предлагал, механически отвечал на вопросы. И выдержать больше не мог – он поднялся первым, пожал врачам руки, за ним встали его коллеги. Микаэль спешил покинуть клинику, чтобы его здоровое тело и ласковый к нему мир «взяли свое», а маленькие больные пациенты остались в прошлом страшным воспоминанием.

По дороге к выходу он в который раз услышал детский плач, хотел пробежать мимо, но путь преградила каталка. Невольно повернул голову и увидел в открытую дверь палаты... нет, показалось... он пригляделся внимательнее... это была та самая журналистка. Она увещательным тоном пыталась успокоить ребенка, а тот цеплялся костлявыми ручонками за ее длинные, вьющиеся в мелкую кудряшку волосы.

Микаэль обомлел. Встал сначала, как вкопанный, а потом и сам не понял, как вошел и оказался рядом с ними.

– Мама, не хочу больше, – всхлипывая, повторял ребенок, – больно, не хочу.

– Потерпи, моя девочка, – успокаивала мать, – еще чуть-чуть.

– Не хочу-у-у!

Другие больные в палате тоже захныкали – они не просто заразились примером, что часто свойственно детям. Плача за компанию, каждый плакал о своем.

Вдруг девочка, вероятно, среагировав на взгляд Микаэля, посмотрела на него и, увидев накинутый на него белый халат, сказала:

– Мама, у нас новый доктор. У него волосы, как у ёжика. – Девочка перестала всхлипывать и с детским любопытством принялась разглядывать «нового доктора».

Мама повернула голову, увидела Микаэля и, в отличие от него, отнюдь не обомлела.

– А-а, изволили пожаловать, господин главный распорядитель благотворительных средств!

Микаэль молчал.

Лишившись главного примера, дети притихли, и Микаэлю казалось, что их взгляды буравят его.

– Это... дочка? – наконец смог вымолвить он.

– Все ждем очереди! – и не было на свете более укоризненного тона.

– Почему вы... не обратились ко мне с самого начала? – вконец потерявшись и понимая всю абсурдность вопроса, все же спросил Микаэль.

– И вы бы помогли хотя бы рекламу пробить? Или даже получить лечение в срок? – вскричала женщина. – А им, – она указала на детей, – а тем, другим? Вы – преступник! И да гореть вам в аду! – и она, тщетно пытаясь сдержать слезы, бесильно уронила голову на руки.

– Мам... – потянула ее за руку девочка. Она снова всхлипывала.

– Все хорошо. – Видно было, какого невероятного усилия стоило матери взять себя в руки. Она выпрямилась и дала дочке плюшевого зайчика в смешных шортах в цветочек. – Ну, кто тут у нас? Зайчонок. Он тебя спрашивал.

– А тебя он тоже любит?

– Конечно, золотце мое. И меня.

– Тогда ты не плачь. Он очень расстраивается.

– Да, милая. Больше не буду.

Мать и дочка уже не смотрели на Микаэля, словно его и не было, и в тот момент ему казалось, что лучше бы его на самом деле не было.

Отправив сотрудников на служебной машине, домой шел пешком. Долго шел, дом был далеко. Подойдя к дому, зайти не захотел. Сел в свою машину. Телефон дрожал, но он не ощущал вибрации. Положил руки на руль, а голову на руки. Сидел так долго, потерял счет времени. Спустилась ночь. А он все сидел. Над ним волновалась толща океана, он был на самой его глубине, на дне той самой Марианской впадины, придавленный бесчисленными тоннами мутных вод. И был еще жив. Как это вообще было возможно?

Забрезжил рассвет. Наступил, несмотря ни на что. Как всегда, как и положено.

Наваждение Камиллы

Первым делом Микаэль перечислил деньги на лечение дочери журналистки – теперь он знал ее имя, Камилла, и еще, насколько позволяла ситуация, двух мальчиков. У дочки Камиллы – Дениз – была опухоль ствола головного мозга, два мальчика страдали лейкемией. Все трое должны были отбыть на лечение в израильские клиники. Микаэль хотел оплатить Камилле и дорогу, но она отказалась, сказала, что кое-что осталось от продажи квартиры.

Когда Микаэль забрал из суда свой ответный иск на предъявленное ему журналисткой обвинение, это очень разозлило Домбровского. Он не мог понять мотивов поступка своего партнера, а когда спрашивал, то вразумительного ответа не получал.

Вечером Микаэлю позвонила секретарша. Она сообщила, что мать одного из отбывающих в Израиль ребенка была сбита автомобилем, и что девочке, несмотря на обслуживающий персонал клиники, без матери вряд ли справиться. Между делом она предложила оформить в клинику Шива кое-кого другого.

– Что за бред вы несете?!

Через тридцать минут Микаэль был в отделении травматологии. Камилла лежала в общей, пропитанной лекарствами и кровью палате. У нее было сотрясение мозга, перелом двух ребер и ноги. Она была в сознании, плакала, но не из-за себя.

– Я подвела своего ребенка. Они сказали, что теперь... Но ей ждать нельзя! Она и так ждала слишком долго! Время давно не работает на нас!

– Она полетит, не волнуйтесь.

– Но как же без меня?! Ей всего семь! Она психологически может не выдержать!

– Есть способные вас заменить родственники?

– Отца у нее нет, а у моего отца старческая деменция!

– Я с ней полечу. Я веселый, дети меня любят.

– Вы?! – несколько мгновений Камилла смотрела на Микаэля. Несмотря на ссадины на лице, она все равно была очень мила. Он давно это заметил. – Вы не сможете! Вы ей не мать!

– А вы можете предложить что-нибудь получше?

В отчаянии Камилла замолчала.

– Как вас угораздило-то вообще? – прервал тягостное молчание Микаэль.

– Не знаю. Помню только джип перед собой. А потом... я здесь.

– Я поддержу вашу девочку, она не будет одна во время лечения. Я постараюсь с ней подружиться.

Камилла смотрела на Микаэля, которого еще день назад считала врагом всего человечества. Теперь же она вынуждена была доверить ему самое дорогое – своего ребенка. Интересная штука – судьба! Самая, какая только возможно, безвыходная ситуация, прецедента которой, вероятно, никогда не было и быть не могло, пришлось именно на ее долю.

– У нас суд скоро... – сдавленным голосом произнесла Камилла. – Тогда я должна отозвать свой иск! Я позвоню адвокату!

Это было согласие. Микаэль летел в Израиль.

– Поговорите с девочкой по телефону, скажите что угодно, кроме правды, и подготовьте ее к тому, что она полетит с новым доктором с волосами как у ежика.

– А вдруг Дениз испугается, и что вы будете делать, если она будет плакать?!

Микаэль прикрыл веками глаза, что у него означало «не волнуйся, все под контролем» – это всегда срабатывало с женщинами в любой критической ситуации.

– Доверься мне... Тем более, что ничего другого тебе не остается, – перешел он на «ты».

Камилла была в отчаянии. Она так ждала эту поездку в израильскую клинику и все надежды вынуждена была, как и многие другие, возлагать на благотворительные фонды. С фондом «...» творилось что-то неладное, благотворителей значилось немало, реквизиты фонда были отмечены на всех рекламных сайтах, а дело все не двигалось. Камилле не оставалось ничего другого, как начать журналистское расследование. Это было не так-то трудно, в фонде явно зарвались и такого развития событий уже не предполагали.

Камилла и ее коллега Макс даже прибегали к мимикриям, проникали в офисы фонда как курьеры, уборщики, запустили вирус в компьютеры, и сами пришли налаживать систему. Они подслушивали, подглядывали, снимали копии, фотографировали, ставили жучки. Жучки быстро обнаружил Микаэль, замдиректора фонда. Распорядился ожесточить досмотр на входах, «подчистил» документы. Но Камила с Максом успели добыть некоторую нужную информацию до того, как спугнули преступников.

Камилла смогла остановить процветавшую коррупцию в фонде «...», и хотя привлечь к ответственности ловких мошенников не удалось, все же поставила их на место, заставила прекратить аферы и добилась благотворительной помощи для своей дочери, а заодно и двух других детей.

А сейчас ее дочка уже пять дней, как без мамы, в компании малознакомого человека – одного из тех, по чьей вине она не получила лечение вовремя и столько страдала.

Камилла не находила себе места. Горько усмехнулась иронии судьбы: данная идиома – «не находить себе места» – подходила к ее ситуации как нельзя лучше: Камила была прикована к кровати.

Она вынуждена была доверить ребенка тому, кого ненавидела больше всего! Попав в безвыходную ситуацию, сама, своим полным отчаянием признанием о том, что с девочкой, кроме нее, больше ехать некому, бессознательно подвела его к тому, что он (вот удивительно) вызвался выручать.

Преступник... Несмотря на преступные действия, которые к тому же коснулись ее дочери, Камила в последнее время перестала видеть всю эту жуткую ситуацию лишь в черных тонах. Чем больше она общалась с Микаэлем, который стал часто навещать ее девочку в клинике, тем ей становилось понятнее, что в черед его омерзительных поступков все было не так-то просто. Он явно раскаивался и хотел хоть как-то загладить свою вину. Несмотря на глубокую обиду и вообще непонимание возможности жить с таким грузом грехов, Камила все же не мешала Микаэлю успокаивать, как она считала, свою совесть. Причиной была Дениз. Сникшая и уже отказывавшаяся принимать лекарства, она искренне радовалась его приходу – Микаэль умел показывать фокусы, а на ее настоятельные просьбы открыть их секрет соглашался только если она что-то съест или примет лекарство. Было очевидно – общение с дядей Микой, как девочка сразу стала его звать, было полезно Дениз.

Камилла могла подумать, что такая симпатия, быстро возникающая у ее дочки к Микаэлю – следствие того, что она никогда не видела своего отца. Но с другой стороны, если вспомнить, девочка была дружелюбна далеко не со всеми «дядями», которых видела рядом с мамой.

Лежа на своей койке, обуреваемая самыми ужасными мыслями, чувствуя свою бесполезность и страдая от этого, Камила имела лишь одну отдушину – разговоры по скайпу с дочкой. Чтобы хоть как-то отвлечься и скоротать мучительно тянувшееся время, Камила решила заняться тем, чему, кроме любимой дочери, посвятила свою жизнь. Решила писать. Вообще она не могла не писать – ее статьи имели у публики определенный успех, она умела подметить важное и сказать об этом интересно, метко и, как говорят, «с остринкой». Сейчас ситуация и настроение были иные. Она задумала написать нечто в жанре исповеди, рассказать о себе и своей дочке Дениз, о ее болезни, поделиться своими соображениями о том, почему, возможно, они попали в такую беду.

Банальная история

Мне было восемнадцать лет, когда у меня родилась дочь Дениз. В сущности, я сама была еще ребенком, за малейшей потребностью обращалась к родителям, жила вместе с ними, училась в университете за их счет. У нас в роду, насколько мне известно, не было онкологических больных – мои отец и мать не знали таковых до их третьего поколения (дальше уж, конечно, знать не могли), не болели раком и наши родственники. Но, конечно же, я признаю очевидным, что это не гарантия безопасности, в наше время есть много внешних факторов, которые обуславливают появление этой болезни в самых разных ее проявлениях. И я говорю даже не об экологических проблемах, не о загрязненном воздухе и воде, не о массовом стрессе и поголовной депрессии. Здесь я вряд ли скажу что-либо новое. Я и далее буду говорить о банальном... ведь это воспринимается таковым до тех пор, пока не коснется лично тебя...

Я знаю причину болезни моего единственного ребенка – моей дочери Дениз! Я хочу обратиться к общественности... нет, не обратиться, я хочу кричать, кричать как можно громче – мы все в ловушке у транснациональных корпораций, которые и шоколадки не выпускают, чтобы не нашпиговать ее всеми возможными консервантами, усилителями вкуса и, как закон, пальмовым маслом. Все это рекламируется настолько безбожно, что «окно Овертона» превращается в громадную, никогда не запирающуюся дверь...

Но вы, конечно, все об этом знаете...

Приходится писать об общеизвестном. Чтобы была понятна суть нашей с Дениз проблемы. Все знают о списке опасных Е-консервантов. И, как ни странно, почти все, надеясь на то, что **это** их не затронет, пичкают продуктами с их содержимым своих детей по первому их требованию. Трансгенными продуктами переполнены McDonaldсы, куда заботливые мамы водят своих детей по воскресеньям. Всем известно, чем опасны ГМО, но мы, находясь в безвыходном положении, поглощаем их неимоверно, все больше приближая мечту горстки сильных мира сего о золотом миллиарде.

Но вы, конечно, все об этом знаете...

Сейчас я хочу сделать акцент на другом. Я хочу обратить ваше внимание на нашу беспечность, халатность, а может, и безграмотность некоторых из нас. Спросите, например, у себя, что вы даете каждый день с собой в школу ребенку?.. Или вы будете утверждать, что это свежеприготовленный бутерброд с домашней котлетой? Или пирожки домашнего приготовления? Или еще какой-нибудь домашний пирог? Ведь нет. Возможно, что-то такое и имеет место у тех, кому повезло с заботливыми бабушками, но в большинстве случаев это, к примеру, какой-нибудь бутерброд с колбасой (состав которой, кстати, также настораживает), а чаще – разрекламированные канцерогенные чипсы и сухарики с усилителями вкуса, шоколадки, о составе которых лучше не знать, и йогурты, в которых молока и в помине нет, зато вся таблица Менделеева присутствует. Все понятно, так быстрее работающей маме отправить ребенка в школу, особенно если сам ребенок предпочитает именно **эту** еду, готовую и соблазнительную, а не ту, другую, простую и домашнюю. Вот они, виновники предпочтений – усилители вкуса типа глутамата натрия, калия, всевозможных кислот – глутаминовых, гуаниловых и прочих... И деньги, которые вы даете своему ребенку в школу на обед, также тратятся на всякого рода вредную «вкуснятину».

Но вы, конечно, все об этом знаете...

А сейчас я хочу сказать о себе. Потому что за свою собственную беспечность была жестоко наказана. Когда я была ребенком и мама давала мне в школу деньги на булочку, она и не знала, что я, как и все мои одноклассники, предпочитала тратить их на готовую, запечатанную в пестрые пакетики еду. И постепенно заметила, что перестала чувствовать вкус пищи натуральной. Что за массовый гипноз! И мы в детстве вместо свежей домашней выпечки предпочитали хрустеть чем-то трансгенным!

Но вы все это, конечно, понимаете!

Вся проблема была в том, что я, как и окружающее меня подавляющее большинство, не придавала значения тому, из чего сделано то, что я ем. Да, пишут об этом, говорят, но со мной, без сомнения, ничего плохого не случится, потому что со мной вообще ничего плохого случиться не может. Увы, свойственное многим коварное заблуждение. Иногда мы думаем, что информация о вреде продуктов в некотором роде преувеличена. Или же это антиреклама, призванная навредить производителям... Довольно часто это еще одно коварное заблуждение.

Когда я носила под сердцем свою дочь Дениз, «Fastfood»-ы зачем-то часто предпочитала чему-то домашнему и естественному...

Не забывайте, мне еще не было восемнадцати...

Вот и вся моя банальная история, читать которую, мои дорогие читатели, если у вас вообще хватило терпения дойти до этих строк, вряд ли было вам интересно.

Чем закончилась моя банальная история? Или, если хотите, история моей, и не только моей, глупости? Наверное, тем, чем должна была закончиться – раком. Только, к сожалению, не у меня, а у моей дорогой дочери Дениз, которая вот уже год как борется со смертью.

Берегите себя! Берегите особенно своих детей, уж не знаю как, но берегите. Потому что с тех пор, как заболела Дениз, я больше всего жалею, что не заболела сама. Что делать, спросите вы? Я бы добавила немного задора в мое печальное повествование и ответила бы вам: господа, обзаведитесь своей собственной фермой! Конечно, воздухом дышать ни себе, ни коровам вы не запретите, но все же будете уверены во многом другом... Смешно? Тогда купите собственное охотничье ружье и сами ходите в лес на охоту.))

Закончу тем, с чего начала. Мы все в ловушке. Нет выхода, мы боеем, а мно-гоотраслевые транснациональные корпорации набирают обороты. И не судите меня строго за то, что не сказала ничего нового. Основное послание моей исповеди: – зная, не забывайте, понимая – не игнорируйте! И да поможет вам Бог.

Закончив статью, Камилла сразу распространила ее в интернете.

Осознавая всю простоту и даже, как она была уверена, бесталанность своей статьи, она не стала предлагать ее в газетные издательства. Слишком велико было ее горе, чтобы позировать сейчас искусством слова. «Истина – проста, – успокаивала она себя, – а значит, правда, тем более жуткая, имеет право на простое изложение».

Камилла откинулась на подушку. Она думала о том, что если благодаря ее исповеди спасется хотя бы один ребенок, то все ее страдания вместе взятые обретут какой-то смысл.

В своей статье-исповеди Камилла не затронула проблему коррупции в благотворительном фонде «...». Она уже писала об этом не раз, но теперь испытывала двойственные чувства. Ее обида, страх за жизнь дочери и жажда справедливости

уступили место вновь обретенной надежде и чувству благодарности тому, кто сейчас всеми силами старался помочь. Камилла видела его переживания, она приняла долгожданные деньги и догадывалась, что это были личные средства Микаэля. Этот человек, несмотря на проблемы, которые, кстати, пусть и справедливо, но создала именно она, сейчас поддерживал ее дочь в ее борьбе с болезнью в далеком Израиле, в то время как она, хоть и не по своей вине, но не принимала участия в столь волнительном для нее процессе. Томительное ожидание изнуряло Камиллу, она просто рвалась к дочери на помощь, но тело не пускало ее. Понимая ее страдания, Микаэль аккуратно давал ей отчет о ходе лечения и состоянии Дениз. В клинике Шибя был подтвержден диагноз Денизы – опухоль ствола головного мозга. С посланного факсом согласия матери (адвокат Микаэля взял на себя техническую сторону оформления документа) девочке сделали вентрикулоперитонеальное шунтирование. Теперь Дениз предстояло перенести три десятка фракций радиотерапии.

– Спасибо тебе, Микаэль, – в первый раз смогла сказать ему Камилла. Дениз была настолько обессилена, что только слабо улыбалась в экран планшета.

Через три месяца у Дениз наступила ремиссия.

Дочку Камилла встречала на костылях – это был самый радостный день в ее жизни. Девочку нес на руках Микаэль – Дениз прижалась к нему и обвила руками его шею, по всему было видно, как они подружились за это время. Микаэль навещал их каждый день, и если вдруг дела задерживали его, Дениз бывала очень расстроенной.

Узнав, что Камилла готовит дочку в школу, Микаэль купил ей большущий футляр – набор школьных принадлежностей, самый модный сейчас среди учеников. Камилла была тронута, она давно уже не смотрела на Микаэля как на врага всего человечества, видя, как с каждым днем поправляется ее дочь, убедилась в том, что нет греха, которого нельзя было бы простить, если человек в нем искренне раскаивается. Микаэль за время пребывания с Дениз в израильской клинике привязался к ней, тем более, что это было очень легко сделать – девочка была очень милой и ласковой. Особенно впечатляли ее темные глаза, которые казались бархатно-черными в контрасте с бледным личиком. Чертами лица она была похожа на свою мать.

Шло время. Между тремя, так странно сведенными друг с другом людьми крепла дружба. Дениз тянулась к обаятельному шутнику дяде Мике, Камилла все больше испытывала к нему чувство благодарности за спасение дочери. И допустила его к себе намного ближе, чем могла бы представить себе еще месяц назад. Жили на его даче – Дениз свежий воздух был необходим. Камилла часто наблюдала за копающимся в саду или работающим перед компьютером Микаэлем и пыталась уразуметь умопомрачительный факт – насколько противоречивым может быть человек... Микаэль оказался очень заботливым и лишенным определенных гендерных стереотипов. Он часто повторял, что настоящий мужчина не стыдится заботы о своей женщине, он всегда помогает ей во всем, а особенно в уходе за ребенком. И доказывал это на деле.

Утром Микаэль уезжал на работу и возвращался под вечер. Однажды со свойственной ему откровенностью Микаэль сказал Камилле, что с его партнером, основателем фонда Домбровским, в последнее время отношения сильно обострились. Камилла ожидала этого. Она уже давно поняла, что во всей этой уродливой ситуации с присваиванием благотворительных денег Домбровский был серым кардиналом.

А вечером, после далеко не первой рюмки абсента, Микаэль рассказал Камилле, что недавно, копаясь в старых бумагах отца, обнаружил папку с документами, вероятно, им же собранными, в которых содержались компрометирующие Альберта

Домбровского сведения. Оказывается, являясь замом главы компании, то есть отца Микаэля, Домбровский путем ловких махинаций обкрадывал фирму. Получается, в свете грозящего Домбровскому разоблачения отец Микаэля погиб весьма вовремя.

– Автомобиль отца нашли в глубоком кювете. Я совсем юношей был, отказывался принять мачеху и, знаешь, насмотревшись фильмов, стал винить во всем ее. Но в полиции пришли к заключению, что отец, возвращаясь с корпоратива подвыпившим, сам не справился с управлением. Сейчас же найденные мною документы пролили свет на обстоятельства гибели отца. И вчера... мне вдруг пришло в голову... а ведь характер аварии, в которую попал мой отец, очень схож с несчастным случаем, который произошел с тобой... Как ты уже поняла, отцу помогли угодить в кювет. И я уверен, что и тебя сбили не случайно. И в том, и в другом случае вы оба так или иначе угрожали благополучию Домбровского. Кстати, он объявил о банкротстве компании отца вскоре после его гибели... Знаешь, я только сейчас понял, какой опасности ты подвергалась, пока мы были в Израиле. А если бы ему пришло в голову закончить начатое?! Хотя... Вероятнее всего, он просто хотел тебе навредить... из мести... Фактической угрозы ты уже... ведь... не представляла... – Последнюю фразу Микаэль произнес, запинаясь.

– Когда я шла на все это, я знала, чем рискую. Девочке моей становилось все хуже, и у меня не оставалось выхода. – Микаэль молчал. Он старался избегать прямого касания темы своего прошлого в фонде. Но это было невозможно. И это никогда не было бы возможно. – Дениз теперь лучше, – продолжала Камилла, – есть у нас надежда. Я тебя, Микаэль, «разбудила»... Кто знает, может, душу твою спасла... А насчет этого Домбровского... Можно дать тебе совет? Если враг не знает, о чем ты думаешь, он не угадает твоего следующего шага. Я лишь прошу тебя, чтобы этот твой шаг не был похож на твои предыдущие шаги.

На круги своя

Микаэль нашел Домбровского на его приморской вилле.

– Ну, как дела в фонде? – как всегда, перешел сразу к делу Альберт.

Микаэль сел напротив Домбровского и положил перед ним найденную в сейфе отца папку с компроматом. Домбровский понял не сразу. Просмотрев несколько документов, проговорил:

– Таки всплыло шило...

– Тебе-таки нечего сказать... – В висках у Микаэля застучало. Он смотрел на этого, перевернувшего всю его жизнь и изменившего его натуру человека и понимал, что страшный монстр снова проснулся в нем. Он, словно разрывающий копытом землю бык, готовился к нападению. Теперь это был снова тот, снова способный на многое, прежний Микаэль. – Почему ты убил отца, я понял, жалкий ты, меркантильный ублюдок. Почему по твоей вине Камилла в больнице оказалась, тоже ясно. И в свой фонд почему меня работать позвал... всегда было понятно – где еще такого найти... парня с нелегкой судьбой и с пустым карманом. Ведь ты все для этого сделал!

– Верно, скажем точнее – козла отпущения нашел. С тобой, да и с папашей твоим, это всегда легко получалось!

Вскакивая, Микаэль, понимая, что у Домбровского наготове пистолет, опрокинул на него стол. Раздался выстрел, но куда-то мимо. В следующее мгновение Микаэль уже всадил в него нож. Убивая Домбровского, Микаэль верил, что одним

подонком в этом мире теперь будет меньше. И в тот момент подсознание рисовало ему еще одного такого... Какой финал ожидает его?

Охранники на вилле знали Микаэля. Поэтому лишь когда раздался выстрел, они побежали к веранде. Обнаружили только мертвого босса.

Прозрение Камиллы

Микаэль, Камилла и Дениз жили на Гавайях. После происшествия на приморской вилле Домбровского Микаэль убедил Камиллу, что уехать из страны будет лучше всего, да и Дениз воздух океана должен был пойти только на пользу. Реабилитацию в израильской клинике девочка уже прошла.

Микаэль погасил долги, свернул работу фонда, отрегулировал уже готовившиеся возникнуть связанные с убийством Домбровского проблемы. Телохранителям Домбровского было заплачено, и они нашли себе работу у другого босса.

Казалось, что Дениз поправится окончательно. Она стала веселее, болтала то с мамой, то с дядей Микой, улучшился аппетит. Конечно же, эта девочка делала погоду в их маленьком мирке, от нее зависело настроение всех. Однажды на пляже она взяла дядю Мику за руку и, глядя своими блестящими, совсем как лучи гавайского солнца, глазами, с наивной улыбкой спросила:

– Дядя Мика. Может, все-таки женишься, наконец, на маме? Я ведь тебе все же не племянка какая, дядей называть...

– Дена! – строго окликнула ее мать.

– Дена! – шутливо передразнил ее Микаэль. – Я давно хочу сделать предложение твоей маме, но боюсь, что она утопит меня во время первого же прилива.

– Мама, не топи дядю Мику, – засмеялась девочка. – А лучше скажи, что согласна!

– Это запрещенный прием, дядя Мика! – смутилась Камилла. Но дальше эту тему развивать не стала.

Через несколько дней, поздним вечером, как всегда сидели на берегу. Нежное воркование ветерка и шум прибоя ласкали слух, а звезды золотыми бликами украшивали черные воды.

– Кама... пусть не звучит как-то банально... приторно, что ли... у меня такое чувство, что я тебя знал всегда... во все времена... Еще до сотворения этих звезд... Фу, как пошло... – Микаэль усмехнулся.

– Удивительно, – совершенно серьезным тоном отозвалась Кама. – У меня такое же чувство. Ты какой-то мне очень знакомый, понятный... – Камилла улыбнулась. – Нет, правда, как будто и в прошлых жизнях мы всегда, несмотря на препятствия и трудности, находили и прощали друг друга, были вместе во всех реинкарнациях... Ты веришь в реинкарнацию?

– Да, наверное... с тех пор, как с тобой... Познакомились странно, и вот...

– Мы договорились не вспоминать, – оборвала Камилла.

– Прости... Тебе неприятно, понимаю. Я сам себе мерзок.

– Ну так вот, значит, и в будущих жизнях мы друг друга найдем?

Где-то за горизонтом упала звезда.

– Я загадал, чтобы мы не расставались хотя бы в этой жизни... Выйдешь за меня? Камилла больше не раздумывала.

– Выйду.

...– Кам, куда девались твои эндорфины? Почему ты такая грустная сегодня?

Утро было прекрасным, день обещал быть еще лучше, и Микаэль не понимал, почему Камилла не вписывается в его настроение. Как все мужчины, он был эгоистичен в чувствах и не любил, когда его женщина испытывала эмоции, отличные от его собственных. Хотя они договорились, что не будут ворошить прошлое, Микаэль, в последнее время часто замечавший тень тревоги на лице Камиллы, стал приписывать это именно плохим воспоминаниям. Но ответ Камиллы насторожил его.

– Меня Дениз беспокоит.

– Что случилось? Ей же хорошо, иначе я бы заметил.

– Да, пока хорошо... А вдруг...

– Да не накачивай ни себя, ни меня! Мы все делаем.

Микаэль обнял ее, и она немного успокоилась.

Между тем Дениз вдруг выдала – стала называть Микаэля не дядей Микой, а как-то странно: па-ё.

– Что это значит? – удивились Микаэль с Камиллой. Обоим стало смешно.

– Ну что тут непонятного? Посмотри, мама, волосы у дяди Мики как у ёжика. Значит, последняя буква означает «ёжик».

– Ну хорошо, а что означают первые две?

Дениз не ответила, упрямо поджала губы и убежала.

– Я, кажется, знаю, что означают первые две буквы, – сказала Камилла. Микаэль внимательно изучал песок под ногами, но на губах играла довольная улыбка. – Папа ёжик, вот что это значит! – озвучила догадку обоих Камилла.

– Значит, надо торопиться! Мне так не терпится стать ее официальным папой ёжиком!

...Дениз стало плохо неожиданно. Микаэль с Камиллой срочно отвезли ее в Израиль. У нее начались метастазы.

– Но вы говорили, что этого можно избежать!!!

– Вы лечение начали поздно! – развел руками врач.

Вечером Дениз обняла мать:

– Мама, прости, что опять заболела. Ведь папа ёжик завтра должен был стать моим настоящим папой ёжиком.

– Не думай об этом, – едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, отвечала мать, – тебе непременно станет лучше, и все будет так, как ты хочешь.

Но лучше Дениз не становилось. Прошел месяц, в течение которого она угасла совсем. В последнюю ночь Дениз попросила Микаэля вынести ее в сад. Они сидели на скамейке, и она вдруг сказала:

– Я и в школу не ходила.

– Да ты пойдешь, родная моя, – поторопился ответить Микаэль. Но получилось не очень убедительно.

Девочка не смотрела на него.

– Хватит. Я к маме хочу.

А мама уже к ним бежала...

...Пять дней спустя вернулись на Гаваи. Было тяжело, здесь все напоминало о Дениз. С тех пор, как ее не стало, они почти друг с другом не разговаривали, между ними повисло то особенное напряжение, которое можно было бы объяснить двумя

словами: обвинение – вина. Вскоре стало известно, что отправленные вместе с Дениз в израильские клиники два мальчика также не выжили.

Так прошла неделя. Наконец Камилла разорвала тягостное молчание.

– Нам нужно с тобой поговорить...

Микаэль знал наперед каждое ее слово.

– Езжай, – был простой, лаконичный ответ.

– Я не могу...

– Езжай! – повторил он.

Микаэль прикрыл веками глаза, глаза, которые теперь не выражали ничего – ни сожаления, ни боли, ни горя. Они были пустые. Тогда Камилла еще не поняла, что это означало нечто запредельное в душе, нечто, что уже несовместимо с реальным восприятием мира и своего эго в нем.

Камилла покинула его. А он стоял на берегу, бессознательно пытаясь оживить свои воспоминания счастливых дней звуками прибоя...воспоминания иллюзий.

Зов океана

Ром. На Гавайях его пьют много. Микаэль глушил горе ромом. Рома много, мыслей мало. А когда они, эти мысли, снова размножаются, тогда – еще ром. Однажды он пришел в себя, лежа на мирно дрейфующем сёрфе, недалеко от берега.

Вообще, все вокруг как в тумане. Сплошная несуразица, как вся его жизнь. Его действия какие-то механические, поступки лишены осмысления.

В этот раз Микаэль не просчитал поведение волн, как обычно полагается сёрферам перед выходом в океан, а в особенности покорителям Джоуз. Он понятия не имел, сколько их в каждом сете, как долго сохраняется пена после обрушения каждого «чудовища». Дал команду забросить его на волну не очень-то внимательному гидроциклисту. Он пренебрег осторожностью, ведь океан был ему подвластен, он чувствовал его дыхание...Иллюзия, каких в жизни у него было немало.

Не подозревая, что напарник его всю ночь не спал и пил ром, гидроциклист забросил его на гребень волны. Вероятно, нога выскользнула из петли. Или еще проще – он просто не удержался. Почему-то последним воспоминанием из его короткой, но полной событий жизни был его, когда он был еще дайвером-любителем, неосторожно стремительный подъем из глубины на поверхность, и как результат – начальная стадия декомпрессионной болезни. Тогда его спасли – поместили в барокамеру.

Сейчас, опрокидываясь в самое нутро ревущего чудовища, он ощутил нечто противоположное – словно он только что поднялся на поверхность со дна самой Марианской впадины, да еще с огромной скоростью... Такого не бывает. И не могло быть такого в его реальной жизни, когда, находясь на самом дне «самой глубокой точки океана», он вообразил, что сможет молниеносно оказаться на поверхности и обрести истинное счастье.

Это было последнее, что донесло до него его разрушающееся сознание. Челюсти гигантского монстра сомкнулись и проглотили незадачливого райдера. Он навсегда исчез в пенистой бездне, так и не оставив следа в этом мире, даже такого обычного, как могила. Океан забрал его, и вряд ли кто-нибудь когда-нибудь спохватится о нем и спросит: а где этот, совершавший и злое, и доброе, человек? Он ведь был когда-то... Или это иллюзия?